

в 2010 году. При нем коррупция превратилась в социальный институт, а общество, проголосовавшее за Януковича на демократических выборах, подтвердило свой криминальный статус.

В 2013–2014 годах в Украине произошла еще одна революция — Достоинства, а также появился новый государственный праздник, который ежегодно отмечается 21 ноября. Трудно сказать, что мы отмечаем в этот день. И что чувствуем, слушая фальшивые речи очередных правителей. Потому что Януковича уже семь лет как в стране нет. А система — есть.

Тысяч людей, погибших за Украину на Майдане и на Востоке, — нет, а система — есть.

Однако сколько бы мы ни кидали камней в уже вторую постмайданную власть, обвиняя в коррупции и преступлениях, последний точно стоит оставить в собственном кармане. Потому что каждый из нас сам знает размер своего камня, и личный вольный или невольный вклад в упрочение сложившейся в нашем государстве криминально-коррупционной системы.

Что же с нами не так? Почему ни нас, ни политиков, которым мы доверяем страну на выборах, не меняет ничто? Даже смерть, ставшая просто фоном нашей повседневной жизни и редким поводом всплакнуть. Как нас угораздило вскормить внутри себя такого дракона, и что теперь с этим делать?

Ответы на эти вопросы мы искали вместе с харьковским профессором, доктором социологических наук, автором многих статей и монографий по вопросам преступности, девиантного поведения и национальной безопасности Игорем Руценом.

О трех этапах криминальной революции, олигархах и осечке Ющенко

— Игорь Петрович, согласны ли вы с тем, что живете и работаете в «ментовском городе» — как с гордостью назвал Харьков во время своего визита глава МВД Арсен Аваков?

— Для меня как социолога в этой ситуации больше показателен факт, что министр внутренних дел публично употребляет криминальную лексику. Трудно представить себе, чтобы министры старой школы — тот же Васишин или Радченко — использовали подобные обороты («ментовской город», «вас никто не будет разводить») в официальных выступлениях. Замечу, что «ментовскими» или «красными» еще в далекие советские времена уголовники называли места лишения свободы, которые контролировались ставленниками администрации, в отличие от «черных», где власть фактически принадлежала «ворам в законе» и «блатным».

Для Януковича, конечно, такой сленг был естественным, но даже он его скрывал. И только в 2019 году, комментируя события Майдана на пресс-конференции в Москве, он сказал: «Развели меня, как лоха». На криминальном жаргоне «лох» — это «терпила» — жертва преступления, над которой глумится преступник. А Янукович, хотя по жизни и не был в статусе вора в законе, однако совсем небезосновательно считал, что находился на вершине криминальной пирамиды. Можно представить себе степень его, скажем так, разочарования случившимся, если он на весь мир позволил себе именно это определение. Во всяком случае Янукович понимал значение этого слова. А вот что имеет в виду нынешний президент, когда употребляет это блатное словечко, я не совсем понимаю. Но главное в том, что все это хотя и косвенно, свидетельствует о криминализации сознания элиты.

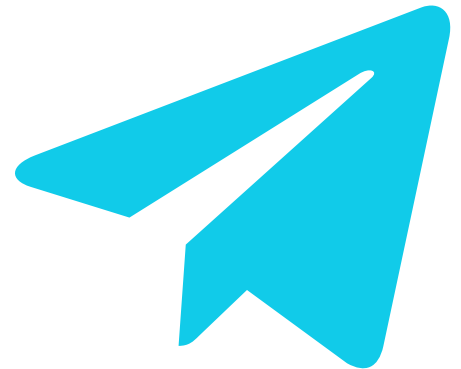
МВД Украины

— Вы хотите сказать, что это последствия «криминальной революции», о которой вы написали в 2008 году?

— Безусловно. Все это видимый результат того, что в Украине произошла криминальная революция. Она как радиация — мы ее не ощущаем, а последствия разрушительны. Здоровые социальные отношения заменяются криминальными, общество мутирует и превращается в криминальное по сути. И все это происходит в сжатый (по меркам истории) срок.

— Согласно вашим выводам, именно приход к власти Януковича замкнул цепь (Статья Руценко «От «криминальной революции» к «криминальному» обществу» была написана в 2013-м, а опубликована в феврале-2014-го. — И.В.), включающую сросшихся с властью олигархов, легализацию института «смотрящих» и коррупцию на всех уровнях.

— Если попробовать мыслить метафорически, то можно себе представить общество в виде множества ячеек. Социологи называют их социальными полями. Они условно могут иметь разные оттенки — от белого к черному. И если раньше, во времена Союза, мы имели какую-то часть если не белых, то хотя бы серых ячеек (образование, наука, те же государственные промышленные предприятия), где не было тотального присутствия коррупционного или криминального компонентов, то за эти годы спектр сместился в сторону черного цвета.

Черные сегодня даже те ячейки, которые априори должны быть светлыми. Разборки в СБУ, за которыми совсем недавно наблюдала вся страна, — это вопиющие на самом деле вещи.

— И все-таки, прежде чем вернуться к современным разборкам **«мышей и лягушек» в СБУ**, уточните какие этапы криминальной революции мы прошли?

— Первый этап — Революция на асфальте 90-х годов. (Не путать со студенческой Революцией на граните. — И.В.) Разгул преступности, бандитизм, массовая контрабанда, рэкет... Аномальная статистика с пиком в 1995 году, когда было зарегистрировано более 600 тысяч уголовных преступлений. Криминалитет в те годы не только активизировался, но и качественно видоизменился. Бывшие военнослужащие, спортсмены, потерявшие заработок рабочие заводов и шахт, которым нужно было кормить свои семьи, — зашли на территорию, ранее принадлежавшую криминалитету, воров в законе.

Те преступники, кому удалось выжить в результате жесткого «естественного» отбора, — оказались на витке второго этапа. Самые умные из них уловили нюхом, что в хаосе событий «новой экономики» можно поймать большую рыбу практически бесплатно. На улицах стало тише (показатели уголовной статистики даже упали), но нарисовался новый тренд: от общеуголовной к экономической преступности.

УНИАН

К концу 90-х, люди, обладающие криминальным талантом, уже были хозяевами разных фирмочек и компаний, они, например, с легким сердцем брали в государственном банке кредиты, которые не собирались отдавать. Уже тогда было очевидно: главный «приз» криминальной революции — бывшая государственная собственность, которую можно было превратить в частную, но в силу украинской специфики — криминальным путем. Этот «приз» не исчерпан до сих пор, на горизонте — рынок земли, являющейся главным национальным достоянием. Будет жарко. Мы помним, в первом варианте закона о земле были нормы, прямо указывавшие на аппетиты агробаронов (20 тысяч гектаров одним «хапком»). Земля — последний крупный ресурс Украины и ее уже условно охватили щупальца спрута.

На третьем этапе (на рубеже двухтысячных) — к фигурантам украинской криминальной революции пришло осознание, что для победы и наращивания влияния нужны дополнительные инструменты. В результате — массово и на всех уровнях они пошли в политику. Или делегировали туда своих представителей. Именно на этом этапе началось «заражение» государственных институций.

НОВИНИ ПАРТНЕРІВ

РЕКЛАМА

Чуть позднее политическим путем начали формироваться олигархические кланы, получавшие основные куски экономики страны. Распределяли исключительно «своим». Здоровая экономическая конкуренция не предполагалась. К этому моменту психология политической верхушки во главе с Кучмой (в прошлом — красные директора, коммунисты и комсомольцы) полностью изменилась.

Фото из архива Александра Мороза

Они сами, их небесталанные дети, близкие родственники и «друзья друзей детства» получили самые лакомые куски. Сильно зарвавшиеся, в частности экс-премьер Лазаренко, в ходе жесткого естественного отбора были вытеснены. В результате у нас вырос клан олигархов, которых нет в других европейских странах, прошедших путь от социализма к капитализму.

В самых криминализованных группах схема в целом выглядела так: «асфальт» — «кресло директора фирмы» — место в сессионном зале или властном кабинете. Но центральный вопрос любой революции — вопрос власти. И в 2010 году криминалитет (донецкий криминальный клан, получивший при Кучме в кормление Донбасс) провел во власть своего ставленника Виктора Януковича. Уже успевшего получить опыт государственной службы на посту губернатора Донецкой области и премьер-министра при Кучме.

Точка.net

Биография Януковича, как и жизненный путь недавно умершего харьковского мера, в целом укладываются в рамки указанной схемы легализации на государственном и политическом уровне. И на нашей политической карте достаточно таких биографических точек.

— У вас есть показательный пример с Россией, которая «за уничтожение олигархов заплатила своей свободой и стала авторитарной».

— Путин просто переформатировал криминально-экономическое поле, забрав

собственность у тех, кто точно так же, как в Украине, получил свои куски при Ельцине и назначил своих «смотрящих». Кооператив «Озеро», его товарищи по учебе и жизни — формальные бенефициары. Российская империя вернулась к исторически азиатскому стилю правления, когда все богатства и недра принадлежат правителю. В России криминальная революция приняла специфическую ретроградную форму.

— Помаранчевую революцию и время правления Ющенко к какому качественному этапу все-таки отнесете?

— Этот массовый народный протест, несомненно, имел и антикриминальную составляющую. Помните лозунг «Бандитам — тюрьмы»? Ющенко — по-настоящему украинский президент, но он не сумел стать авторитетным национальным лидером, способным реально возглавить поверившие в него массы.

УНИАН

Более того, слабость центральной власти при Ющенко, раздоры внутри команды, защита бизнес-интересов «своих» людей, включая кейс Черновецкого, показательно разграбившего Киев, и прочее объективно подготовили приход к власти «крепкого хозяйственника» Януковича. Надежды на скорую декриминализацию общества рухнули. В Украине власть и экономика начали принимать мафиозный характер, характеризующийся сращиванием государственных институций с криминалитетом.

Об институциональном общаке Януковича, Аль Капоне и деградации общества

— Хотите сказать, что с приходом Януковича мафия окончательно срослась с властью?

— Да. Если при Кучме и Ющенко мы все-таки могли больше говорить о сращивании бизнеса и власти, что влекло за собой криминальные (дело Гонгадзе) и коррупционные поступки, то при Януковиче — во власть зашел чистый криминал. Каждая мафия стремится создать такую систему обогащения, которая была бы беспереывной и имела тренд постоянного роста. То есть это уже не банальный криминалитет, который живет «от скока до скока», это — система. Во главе которой стояла «семья», контролирующая все государственные и теневые потоки. Это свойственно всем мафиям, которые вырастают по-разному и на разной почве.

В Латинской Америке она выросла на листе коки и кокаине. Это тот ресурс, который они превратили в систему непрерывного обогащения. А наша мафия выросла на приватизации государственной собственности, впереди — решение «земельного вопроса». Но наша мафия — многоголовая. Это многоугольник, вершины которого занимают фигуры криминальных политиков и чиновников, теневых бизнесменов, «оборотней в погонах», откровенных бандитов и криминальных авторитетов. Основная фишка в том, что все вершины многоугольника слаженно выполняют свою функцию: по одному это не работает. Власть пилит бюджет через свои подрядные фирмы, бизнесмены сидят на целых отраслях выигрывая тендеры, правоохранители — на все это закрывают глаза, за что имеют свою долю, если что-то сбоят — подтягиваются свои уголовные «армии».

Последнее мы увидим на примере того же Харькова в момент когда Кернес воевал за лидерство с харьковскими бизнесменами братьями Протасами. В 2010 году те хотели строить свой супермаркет «Таргет» на улице Клочковской, однако мэр воспользовался своими старыми связями и просто привел туда бандитов, чтобы сорвать начало строительства.

И ему это удалось. Многие взяли метод себе на заметку. Так зародился феномен «титушек». Загуглите «побоище на Клочковской» и **все увидите**.

Янукович — человек с криминальными корнями, мыслями и мировоззрением. Он мимикрировал не в последнюю очередь благодаря своим политтехнологам, в том числе Манафорту, носил социальную маску, но действовал при этом по схемам, которые существовали в его сознании на уровне старых уголовных фреймов. Все в итоге свелось к очень простым категориям — «криминальная сходка», «смотрящий», «общак», «доляшка», «отжим», которые образовывали так называемые «слоты» его глубинного сознания. Это позволило ему быстро и без лишних колебаний наладить систему непрерывного наполнения «президентского общака». Идею он воплощал в жизнь с первых дней президентства сразу в двух измерениях. Институциональном — когда «нал» поднимался вверх в результате внутренней коррупции в министерствах и параллельно создавались региональные общаки со своими «смотрящими» на местах и верховным куратором Иванющенко.

Янукович был достаточно примитивным по государственным меркам элементом, который в условиях нашей криминальной революции смог подняться на фантастическую высоту. Такой оксюморон. При его правлении коррупция

превратилась в социальный институт. Кто работал в системе — практически не рисковал. Ни прокуратура, ни милиция, ни суды не могли остановить этот процесс, потому что сами были коррумпированы и являлись частью системы.

Кстати, многие государства проходят подобные зоны риска. Был такой период и в истории США — в эпоху «сухого закона», когда мафия в некоторых регионах сумела поставить под контроль чиновников, полицию, суды. Но общество, политиком, спецслужбы сумели консолидироваться и не допустили «крестных отцов» в Вашингтон.

— Ну, если учесть, что мафия подняла голову там в 20-е годы, а закон РИКО, позволяющий расследовать преступления целых групп, вышел только в 70-м, то мы еще где-то в районе экватора. Сенатор Эстес Кефвер в 1932 году откровенно заявлял: «В стране существуют три сферы, слившиеся в нечестивую троицу: преступность, политика и бизнес».

— Страны, как и люди, переживают разные этапы развития. И это отнюдь не быстрый процесс — найти правильное решение и усвоить урок. Безусловно, организованная преступность в Штатах существует и сейчас, но ее маргинализировали и она утратила свои рычаги во власти.

Возвращаясь к Ющенко можно сказать, что он предпринял попытку реализовать лозунг «Бандитам — тюрьмы!», с которым, собственно, и пришел к власти. Обыски в отеле «Люкс» — резиденции Ахметова, арест Колесникова... Однако на тот момент министр МВД Юрий Луценко не был ни профессионально, ни институционально готов к реальной борьбе с мафиозными кланами.

— В то время как Луценко штурмовал «Люкс», Ющенко торговался с Ахметовым и Новинским.

— Тут кроме политических есть свои технические и юридические аспекты. Безусловно, к борьбе с мафией нужно готовиться, учиться этому на опыте других государств (например, Италии), разрабатывать тактические приемы. Иначе любая борьба — это блеф и манипуляции. Отсутствие же успехов в декриминализации общества имеет свою цену — торможение экономического развития, масштабная коррупция и олигархат — таковы очевидные последствия криминальной революции.

На эту тему: **НАБУ вышло на Кремль?**

— Однако у этого процесса есть и обратная сторона: наша экономика все-таки заработала. И либеральные сторонники амнистии капиталов, приобретенных в период их, скажем так, первоначального накопления, вот прямо сейчас закидают нас камнями.

— Вопрос: на кого заработала экономика? Ответ очевиден. Цена для государства слишком высока. Нам еще долго платить по счетам за то, что мы выбрали криминальный путь от социализма к капитализму. И это — одно из самых ключевых и негативных последствий криминальной революции.

— И все-таки, что к этому моменту произошло с нашим обществом? О чем, по-вашему, свидетельствует то, что оно выбирает мэром или президентом страны человека с уголовным прошлым? Наши социальные барьеры уже тогда были разрушены?

На фото: **Провокатора Титушко обучили, что нужно говорить следствию. Видео.**

— Очевидной является моральная деградация всех слоев общества: снизу доверху. Произошло привыкание людей к правилам, по которым работает криминализованный система. И как следствие — ее оправдание. Гражданин стал неотъемлемой частью системы, выступая одновременно и в роли жертвы, и в роли преступника.

Не принимать правила системы (особенно для бизнесменов, служащих, рядовых сотрудников правоохранительных органов) — значит оказаться изгоем. А много найдется борцов за ценности, когда каждому нужно банально кормить семью? Принятие криминализованной элиты простыми гражданами — тяжелейшее следствие криминальной революции в условиях демократии. Нечто подобное мы можем наблюдать в некоторых странах и регионах Латинской Америки, где наркобароны — любимцы низов, им гарантированы голоса на любых выборах.

— Мне тоже иначе сегодня не выжить, поэтому я его понимаю и принимаю. Так?

— Да. Принимаю Януковича. Принимаю Кернеса в Харькове. Принимаю Черновецкого в Киеве, Труханова — в Одессе, Чайку — в Николаеве... Мне неоднократно приходилось слышать от простых харьковчан — мы знаем, что он ворует, но ведь и для города что-то делает...

Развернуть подобное ущербное массовое сознание в противоположную сторону крайне сложно. Мы видим, что несколько по-настоящему героических революций не сумели своими прекрасными идеями проникнуть в толщу народного сознания.

О природе постмайданной власти, давлении ЕС и антикоррупционном блоке

— Постмайданная власть (а на вершине пирамиды после свержения криминального Януковича оказался представитель олигархии Порошенко) не собиралась рушить то, неотъемлемой частью чего являлась. Отсюда — сохранение на плаву коллег-олигархов, включая Ахметова, нерасследованные преступления на Майдане, в Одессе, полное игнорирование потоков контрабанды на востоке и другое. Да, «барыги» лучше «бандитов», но их разница лишь в методах, а не в целях. И в этом, похоже, наша основная драма.

— В отношении постмайданной власти. Все-таки именно она, хоть и формально, но реализовала один из сценариев, через который возможен выход из криминально-коррупцированного круга. Помимо целого ряда реформ под давлением европейских институций был принят свод антикоррупционных законов и выстроена площадка антикоррупционных органов: НАБУ, САП и ВАКС, который, правда, заработал уже при Зеленском. Эти институции в ситуации тотальной коррупционности судов, прокуратуры, правоохранительной системы могли бы стать основой для какого-то общего рывка.

— Не только под давлением европейцев, но и под давлением погибших на Майдане и на войне. Кровь обязала власть делать хотя бы хорошую мину. Наверное, в этом и есть смысл, за который украинцы заплатили своими жизнями... Расшатывая систему, перешедшую уже в следующие не совсем чистые руки.

— На начальном этапе постмайданная власть пыталась подавать сигналы о смене правил игры. Реформа полиции, попытка судебной реформы, развитие антикоррупционного блока... Все это были по форме очень правильные конструкции, которые нужно было наполнить сутью. Чего она сделать не сумела.

— Не захотела.

— Но даже эти сигналы уже влияли на восприимчивость к коррупции граждан, без сомнения, поверивших, что на этот раз удастся сломать систему.

— У всех адекватных людей в голове была одна мысль: если столько погибло, если столько крови, то они уже не посмеют так, как раньше...

— На самом деле большинство людей всегда хотят вернуться в порядочные рамки.

Международные организации несколько лет фиксировали снижение уровня восприимчивости к коррупции в Украине. Задачей следующей власти было наполнить созданные командой Порошенко структуры настоящим качеством. Расследовать резонансные дела, постепенно очищая все уровни власти от криминальных и коррупционных элементов.

— Здесь как раз бы пригодился опыт Америки и закон РИКО, позволивший расследовать деятельность группировок во власти. У нас появилось несколько таких дел: ОАСК, дело Микитаса. Потяни за ниточки — и можно дойти до самых высших кабинетов государственной и политической власти.

Но опять-таки, в Украине произошла еще и электоральная революция. Расколотый Майданом народ, оставшийся жить в рамках старой системы, поддерживаемой новой постмайданной властью, искал другого героя. И нашел Зеленского. Он столько нам пообещал. Только здесь еще один вид преступления: человек сел за руль, не посетив ни одного занятия в автошколе. Теперь же, не умея водить но уже разогнавшись, Зеленский в панике дает руль кому угодно из старой системы. О том как строить новую, он понятия не имеет.

— Сейчас мы наблюдаем реванш даже не людей Януковича — против дальнейшего демонтажа системы работают все ее живые части. Контрнаступление идет по всем направлениям. Кризис КСУ и судебной вертикали государственной власти, громкие разборки в СБУ и обманчивая тишина в правоохранительной системе...

При этом нас снова намеренно ставят в рамки выбора, навязывая миф о внешнем управлении, что — прямая манипуляция. Мы можем долго говорить о проблемах Западной цивилизации и даже о двойных стандартах, которые обнаруживаем там. Но в любом случае без давления европейских институций и усвоения их опыта строительства цивилизованной некриминальной и некоррупцированной государственной системы нам не справиться.

Государственная система управления снова оказалась наполнена абсолютно разными элементами, включая выходцев из системы, сформированной Януковичем.

— Мы можем предположить, что многие из них профессиональны и вынужденно работали в преступной системе, а теперь возвращаются в уже новую систему, способную поставить их в новые здоровые рамки?

— Отнюдь. В разрушаемую Зеленским систему возвращаются старые криминальные и коррупционные кадры. И начинают подминать ее под себя. Плюс — полная неприкосновенность олигархов, которые продолжают контролировать и направлять в выгодном для них русле государственную и экономическую систему. Игрушечная война Зеленского с Коломойским только оттеняет краски этой картины.

Однако ни Коломойскому, ни Ахметову, стратегически невыгоден курс на Запад. На их рынки — да, в общий правовой контекст — нет. Потому что Запад — это контроль. И Коломойский вслед за Фирташем уже попал под его каток. И это, кстати, еще один козырь, который есть у России. Прозападными мы станем только тогда, когда реально встанем на путь декриминализации общества, начав с верхушки системы.

— Интересный вывод на фоне санкционных событий последних недель, заявления секретаря СНБО Данилова о «возвращении украденного у украинского народа, начиная с 1991 года» и возвращения чартера «главного банкира Коломойского». Мы уже начали с верхушки? Да и какие меры нужно предпринимать внизу, если само общество живет по тем же коррупционным законам?

— Включать жесткие антикоррупционные механизмы для всех, а не только для «пятой колонны» или, не дай Бог, политических оппонентов — для этого есть законы и необходимые структуры, включая Высший антикоррупционный суд; регулировать деятельность монополий; задавать новые рамки для попадания в систему государственного управления; вводить антиолигархические механизмы в поле деятельности политических партий и прочее. Это все — общеизвестные в мире практики. Если государство подает понятный сигнал обществу и системе, принимая реальное, а не декларативное решение двигаться в этом направлении. Вручение подозрений бывшим ключевым менеджерам правления «Приватбанка», должно иметь процессуальное продолжение.

НАБУ

Что касается общества, то оно четко улавливает сигналы власти и всегда боится реального наказания. Повторюсь, что большинство людей все-таки хотят быть порядочными.

О сепаратизме, децентрализации и национальной безопасности

— В 2008 году, говоря о рисках криминальной революции, вы пророчески описали еще один возможный сценарий: «Криминальный произвол, массовое пренебрежение законами, социальная аномия (дезорганизация социальных норм и институтов. — И.В.) будут расширяться, а страна превратится в зону криминальной катастрофы.

Реальную власть на местах в еще больших масштабах будут брать криминально-олигархические кланы на фоне упадка и дискредитации общенациональных политических институций. Это угрожает целостности страны. Поскольку власть центра будет сужаться, то реальным сценарием может стать дезинтеграция. Не нужно объяснять, что существует немало политических сил внутри и за пределами Украины, которые ждут такого развития событий и готовы приложить усилия, чтоб это произошло».

— Конечно, я имел в виду прежде всего РФ. Но еще не понимал всей остроты и актуальности вопроса. Тогда, в 2008-м не было осознания того, что против нас уже развернута гибридная война. Сейчас считаю, что латентно война шла с 2003 года.

— А Мешков и Крым? Эта война шла с 24 августа 1991 года.

— Если уж расширять рамки, то война Московии на западном направлении и против украинцев ведется последние 500 лет.

Но вернемся к путинской аванюре. Кремль искусно вел напрямую диалог с криминализованными местными элитами в Крыму, на Донбассе, в Харькове, Одессе. И разговоры, я думаю, были откровенные — мы вам деньги и протекцию бизнеса в России, а вы — сдадите нам свои земли.

Кстати, в кампании «русской весны» одна из ставок была сделана на уголовников и сообщества, которые целенаправленно готовили ко «дню Д», например, **харьковский «Оплот»**. Это сработало. В Украине и за рубежом есть несколько криминологов, которые занимаются этим аспектом нашей войны.

На эту тему: **Крысин, Савченко, Ярема, Гелетей и банда «Оплот» в «делах Майдана»**

Любопытно то, что местные мафии были настроены на коллаборацию, а население,

хотя и расколотое в этом вопросе, в большинстве занимало проукраинскую позицию. В этом меня убедили результаты массового опроса, который мы провели весной 2014 года в Харьковской области, такие же данные фиксировали киевские социологи.

— Это было наше вместе с КМИСом масштабное исследование настроений в Восточных регионах Украины в апреле 2014 года.

— При благоприятном стечении обстоятельств криминал бы спокойно сдал и Одессу и Харьков, как это произошло в Донецке и Луганске.

И здесь, кстати, очень показательно, что в то время как легальный донецкий бизнес оказался проукраинским (надо было сохранить свои активы), криминальный элемент — пошел за Януковичем.

Я знаю из рассказов участников событий в Донецке, как по заданию российских кураторов собирались **отряды из уголовников**. Расскажу историю отца Александра (фамилия Хомченко, его уже нет среди нас, ушел из жизни в 2018-м). Это абсолютно уникальный случай. Он около тридцати лет был профессиональным преступником. По его словам, в 1973 году, когда ему было 15 лет (он 1958 года рождения) его «подтянул» опытный уголовник. С тех пор за его плечами было восемь судимостей. И вот во время последней «отсидки» в начале нулевых годов он обратился в христианство. Примкнул к одной из протестантских деноминаций.

С этого момента Александр круто изменил образ жизни, отказался от наркотиков, алкоголя, преступлений и стал проповедником. Служил в тюрьмах, где его знали и уважали, проповедовал в среде наркоманов. Денег с верных не брал (в отличие от православных батюшек), зарабатывал на жизнь тем, что таксовал. Во всяком случае я встретил его в таком статусе в феврале 2014 года в Донецке на очень уж стареньком автомобильчике. Мы поддерживали связь и вот, что я потом узнал от него о событиях «русской весны».

В марте 2014-го на него через одного из сотрудников по таксопарку вышел некто Федор, который представился сотрудником ФСБ. Кстати, чуть ли не кандидат наук, подарил ему свою монографию по экономике. Он популярно объяснил, что Россия победит, но нужно помочь. Федор предложил, используя связи Александра в уголовном мире Донецка, сколотить группу из 50–70 человек, получить оружие и деньги, а после выдвинуться на задание (тогда захватывались города Донбасса). Разговор ничем не закончился. Александр через близкого человека попытался выйти на СБУ. Встреча состоялась в городе, но СБУшник сказал, что «уже все куплено»,

помочь он не может и советовал «держать язык за зубами», иначе долго не проживет.

Судьба Александра примечательна и в дальнейшем. Он известен как организатор экуменических молитв на мосту через реку Кальмиус за мир на донецкой земле. В августе его бросили на подвал, зверски избили (он потом долго лечился). Вызволили его родственники «через знакомых знакомых». В конце жизни он служил в Марьинке, где и похоронен в родной земле.

И еще одна деталь: он успел дать показания международным структурам — следователям международного уголовного суда в Гааге и европейским депутатам в Брюсселе. По его словам, последние слушали с недоверием и «красными лицами», они были в плену российской пропаганды, слушали трансляции «раша тудей». А «Федора» Александр, по его словам, опознал в телетрансляции как российского пленного, захваченного нашими силовиками во время боев за Дебальцево, и впоследствии того обменяли на нашего воина.

Собственно, уголовники по своей природе аполитичны, но этой средой можно управлять, там есть своя дисциплина и способы мобилизации. Команды отдавали те, кто старался оставаться за кулисами. Мафия может легко менять свою политику, поскольку не имеет гражданских ценностей. Так было в истории итальянской мафии, это же мы видим на примере кланов и в Харькове, и в Днепре. Когда им выгодно они могут сдавать страну или защищать ее, а потом менять линию на противоположную. Мы все с благодарностью приняли участие Коломойского и его клана в защите Востока страны, а потом с удивлением узнали, что его позиция коренным образом изменилась.

— Однако в силу того, что постмайданная власть не сломала систему, сценарий усиления местных кланов и распада страны на фоне проведенной децентрализации и прихода слабого президента Зеленского может быть снова сыгран в Украине. Этого опасаются многие эксперты.

— Модель любой тоталитарной системы действует по принципу матрешки. Выходит, что небольшая кучка людей, если создана соответствующая структура, может управлять многомиллионным социумом. Разве не по такому принципу была построена система государственного управления якобы демократичной современной Украины? Поэтому передача полномочий и финансов на места — это включение демократического механизма управления страной, в определенном смысле — страховка «от дурака» на самом верш.

— Но при этом надо освободиться от нечистоплотности чиновников внизу, включив механизм ответственности.

— Усиление государственной вертикали, очищение системы от олигархов и кланов, усиление антикоррупционного блока, абсолютно не противоречат процессу децентрализации власти, а наоборот — являются ее неотъемлемой частью.

— Задача в том, чтобы минимизировать риски.

— Мы видим из опыта 2014 года, что пассивная поддержка государства населением (по данным опросов) не гарантирует целостности страны, если местные кланы приняли сепаратистский сценарий. Нужны силовые гарантии, работа спецслужб. Сегодня мы имеем более твердую патриотическую составляющую гражданского общества — активисты, волонтеры, ветераны АТО/ООС. Их побаиваются те, кто спрятал в карманы георгиевские ленточки.

Приведу такой пример: как только в Киеве поменялась власть, харьковский мер «разморозился» и решил поиграть на поле реванша — для начала снять военную агитационную палатку на центральной площади, которая простояла все годы войны, вернуть проспекту имя Жукова. Были и другие задумки. Только острая реакция харьковских проукраинских активистов остановила эти поползновения. В Украине есть здоровая часть общества, иначе мы сегодня не делали бы и это интервью.

— В Одессе тоже популярны такие игры.

— Есть еще один риск — популизм. Обратите внимание, именно жулики во власти освоили приемы демагогии, манипуляции, переключения внимания. На этой волне популизма стал президентом Зеленский. Один из его популистских лозунгов — проводить референдумы. Якобы это и есть народовластие. Бросать в абсолютно неподготовленную почву закон о всенародном референдуме — большой риск. Никакое это не народовластие (людям достаточно того, чтобы решать свои текущие проблемы на местах, что позволяет закон о местном референдуме). Все остальное — манипуляция и инструмент как раз для тех пророссийских и внутриукраинских сил, которые заинтересованы в сохранении криминальной и коррупционной системы.

Я абсолютно убежден, что основные бенефициары этого закона — в Кремле. И они обязательно в определенный момент его используют. Темы абсолютно предсказуемые — федерализация, язык, церковь. Причем цель-то будет не довести до логического завершения инициативу, но еще сильнее расшатать общество изнутри. Это все-навсего технология разжигания внутренних конфликтов, которая является одним из направлений гибридной войны.

Хотя ОПЗЖ не голосовала за этот закон, но эта сила им воспользуется, когда кремлевские технологи напишут свой сценарий и спустят его Медведчуку. Представляете, какие открываются перспективы для дестабилизации? Чего только будет стоить кампания по сбору подписей под провокационными вопросами? Без мордобоя прямо на улицах тут не обойдется. Для РФ — беспроигрышный сценарий. Понимают ли это те народные депутаты, кто голосовал «за»? Думаю, они дальше буквально завтрашнего дня ничего не видят.

— Очевидно, что после решений СНБО позиции **ОПЗЖ** пошатнутся. Если, конечно, власть доведет свою линию до логического финала, подкрепив свои решения конкретными доказательствами, подтверждающими обвинения в терроризме в рамках открытых уголовных дел. После чего последуют приговоры судов. Иначе вся эта история будет разбита в европейских институциях.

— В этой истории, как и в целом в стратегии борьбы с преступностью, важно показывать волю государства и консолидировать гражданское общество. Провал произойдет, если президент сделает шаги назад. Нам нужно раз и навсегда определить, что такое хорошо, а что такое плохо. Большинство (в том числе патриотический сегмент общества) готово следовать курсу на размежевание со злом, если пользоваться не юридическими, а моральными понятиями.

— То, что после возвращения с фронта ряд участников АТО пополнили ряды так

называемых частных полукриминальных армий, отдельные из которых существуют под крышей МВД и олигархов — тоже свидетельство того, что криминальная система лишь усиливается.

— Я бы не преувеличивал значение этого фактора, потому, что любая война порождает такие явления. В страну с передовой идет оружие и это реальность войны. Антон Геращенко недавно заявил, что за 2020 год полиция изъяла у гражданского населения 4400 ручных гранат и 259 гранатометов. И это, очевидно, только верхушка айсберга

Возвращаются люди с **ПТСР** и, как следствие, многим трудно себя найти. Некоторые пойдут по криминальному пути. Таковы последствия всех долгих войн. Путин тоже на это рассчитывает. Мне кажется, он избрал тактику «укус варана» — нанести рану и пустить яд, который отравит организм и приведет к смерти. Хищник не спешит и наблюдает за агонией жертвы. Но война это вызов, преодолевая который формируется нация. На это Путин явно не рассчитывал.

— Игорь Петрович, нам всем есть о чем подумать и над чем работать. У вас есть ощущение, что голос ученых слышат в этой стране?

— Дело ведь не только в моих ощущениях, а в том, что не реализован коллективный интеллект нации. На волонтерском уровне мы делаем то, что нам по силам и без участия государства. Например, мы проводим в Харькове международные форумы по вопросам безопасности в условиях гибридной войны. Ни один местный чиновник этим не интересуется. И Бог с ними, они — безынициативные, реагируют на команды, не умеют разглядеть наиболее важное.

Государство в целом за годы войны не сумело мобилизовать для аналитической работы тот коллективный интеллект, который мы имеем в университетах и академических институтах. Я имею в виду ученых социально-гуманитарного профиля. Посмотрите на известную схему гибридной войны начальника российского генштаба Герасимова — он определяет соотношение между вооруженными и невооруженными формами ведения войны как 1:4. Ясно, что «1» — это прерогатива министерства обороны и генштаба. А «4»?

Ведь это в четыре раза больше по объему затраченных усилий. А в «невооруженном сегменте» — пропаганда, политика, экономика, действия пятой колонны, борьба за умы людей, проведение военно-гражданских операций, тактика разжигания внутренних конфликтов (в том числе и с помощью референдумов) и многое другое. Кто этим занимается? Это обширнейшая область, которая требует привлечения лучших умов страны.

На эту тему: **Как с молчаливого согласия Зеленского убивают борьбу с коррупцией в Украине**

Во время Второй мировой войны правительство США привлекло к аналитической работе и разработке методов пропаганды ведущих ученых и специалистов того времени — психологов, социологов, журналистов. В настоящее время в Штатах университеты получают гранты для разработки тематики по национальной безопасности, по борьбе с коррупцией и терроризмом. Совсем другой подход.

К сожалению, наши политики — в основном те, кого принято определять как «людей в первом поколении». Они сумели впрыгнуть в социальный лифт, не имея прочного культурного фундамента и широты национального мышления. Многие просто не в состоянии понять, что воевать и строить государство может только интеллект.

Я оптимист и верю в будущее Украины, нация показала свою прочность «внизу», не распавшись и выстояв против агрессора. Ожидаю, что настанет тот день, когда элита консолидируется вокруг простых вещей — жить нужно честно, по закону, не брать и не давать взятку (сумел же отец Александр сделать такой поворот!). И с этого момента начнется широкая декриминализация общества. Украинцы — европейцы по своей природе, и они достойны жить так, чтобы молодежь не искала свое счастье за границей.

Инна Ведерникова, опубликовано в издании ZN.UA

На эту тему:

- **Победила ФСБ или Антикоррупционный цугцванг Зеленского**
- **НАБУ про шахрайство злочинниці Венедіктової: Безпрецедентне в історії втручання**
- **“Надежный профессионал” Олег Татаров?! Нет, лжец и циничный подонок**
- **У Зеленського, щоб виправдати Татарова, назвали закон про люстрацію**

антиконституційним

- Конституційний суд: между законом, деньгами и страхом

Share 0

Читайте «Аргумент» в [Facebook](#) и [Twitter](#)

Если вы заметили ошибку, выделите ее мышкой и нажмите **Ctrl+Enter**.

Коментарі

ВІДЕО

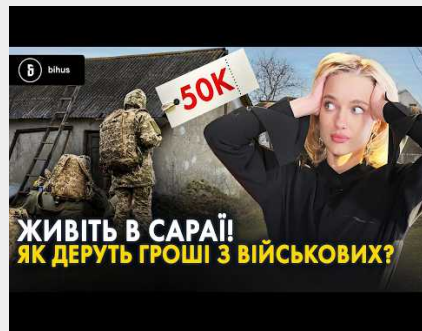
Про що не можна було жартувати в СРСР

HEAVY SHOT, VAMPIRE, NEMESIS: як «Баба Яга» б'є ок*пантів

Воюєш? Плати більше! 50к за оренду і космічні комісії: як виглядає ринок житла на фронті?

[Головна](#) [Про сайт](#) [Опитування](#)

© 2011 «АРГУМЕНТ»

Републікація матеріалів: для інтернет-видань обов'язковим є пряме гіперпосилання, для друкованих видань - за запитом через електронну пошту. **Посилання або гіперпосилання повинні бути розташовані при використанні тексту - на початку використовуваної інформації, при використанні графічної інформації - безпосередньо під об'єктом запозичення.** При републікації в електронних виданнях у кожному разі використання вставляти гіперпосилання на головну сторінку сайту argumentua.com та на сторінку розміщення відповідного матеріалу. За будь-якого використання матеріалів не допускається зміна оригінального тексту. Скорочення або перекомпонування частин матеріалу допускається, але тільки в тій мірі, якою це не призводить до спотворення його сенсу.

Редакція не несе відповідальності за достовірність рекламних оголошень, розміщених на сайті, а також за вміст веб-сайтів, на які дано гіперпосилання.

Контакт: uargumentum@gmail.com